Культура. - 1994. - 14 июля. - с. 1.

СУКИНЫ ДЕТИ

Попробуйте разобраться, кто прав и кто виноват в разделе Таганки: Юрий Петрович Любимов, вышедший когда-то «сукиных детей» в люди, или «сукины дети», поступившие с театральным своим родителем совсем не как в одноименном фильме Леонида Филатова.

Теперь и мучаешься, где все же больше неправды: в «Кубанских казаках» с молодым еще Юрием Любимовым или в этих вот «Сукиных детях» со зрелыми, вполне уже зрелыми отроками и отроковицами романтической — на экране: «возьмемтесь за руки, друзья!» — труппы.

Правда, видимо, где-то посередине: там, где мы еще жили и дышали воздухом «Я шагаю по Москве», «Заставы Ильича» и «Июльский дождь». Вернее, это те фильмы жили и дышали тем, чем на самом деле существовали мы.

Правда, видимо, там, где канувшая эпоха распахнула нам свои объятия и мы дерзко шагнули навстречу ей и никак не могли надыхаться пьянящим ее воздухом, где братство было не экранным, не театральным, а подлинным человеческим братством, где были коть толика подлинного тепла, хоть гран настоящей искренности. Ведь были же, были!..

Да и есть. Взгляните на сегодо юношу Хуцнева Или на Окунджаву, стесняющегося не своего семидесятилетия, но своего юбилея, пускай и вовсе не оффициозного, и вынесенного за пределы еще одной спорных, на сей раз созознательских, территорий. Взгляните на Лихачева, оттесненного более яркими и современными мужами не от забот

о культуре, а всего лишь от ее номенклатуриата. Вспомните Сазарова, Мамардашвили или недавно покинувших нас артистов Леонова, Крючкова и Борисова. Это были цельные натуры, прошагавшие сквозь разные эпохи и не предавшие время, в которое им выпало и счастье, и несчастье жить...

Дефицит человеческой преданности, искренности и стойкости становится все более острым и все язвительнее обрывается бедой одних и винными другими.

Последнее десятилетие подвергло жесточайшим испытаниям все наше общество, во многом не готовое к новым опытам над собою. Последнее десятилетие, сравнимое по степени накала и полярности общественных страстей, наверное, с 30-ми годами у нас или в Германии, вызвало шквал разногласий среди сиротенных граждан уверенно разваливающегося государства. Сами призывы к общественному согласию, равно как и попытки иррационального обкома оформлять его в виде некоего документа, скрепленного ничем теперь не значащими честными словами нескольких сотен подписантов, — все эти донельзя наивные и, по существу, фиктивные усилия не способны всерьез повлиять на реальность и привести к миру.

Разумеется, согласие граждан необходимо. Но для этого, как минимум, им нужно обрести государство, где не на словах, а на деле осуществ-

лялись бы власти законодательная, исполнительная и судебная. Демократическое троестроительство взамен обнаглевшего до последних пределов охлократического всевластия, взамен диктатуры номенклатуриата, размахивающего теперь бумажкой об общественном согласии.

Разумеется, согласие граждан желанно — но без их подлинного благополучия, без каждодневной безопасности любого из них о чем может идти речь! Или о ком может идти речь! Об убитом депутате Госдумы, расстрелявшем из автомата двух, скажем так, избирателей (следствие еще ведет, но сам факт стрельбы он вроде бы признал)? Или о нашем грузинско-московском Доне Отари, чья яркая личность и судьба смело соперничают с киноверсиями коллоловского «Крестного отца»!..

А может, речь следует вести об амнистии — самой большой и самой позорнейшей победе нынешней Думы? Об амнистии, после которой вместо лефортовских и «матросских» «узишков совести» надо бы, справедливости ради, загнать в тюрьмы всю страну. Об амнистии, во имя какого венчания какого царя объявленной? Об амнистии — очередном «компромиссе», еще одном свидетельстве умения лавировать между «вашими» и «нашими»...

Новейшая история продолжает меж тем загадывать все новые загадки.

Довелось недавно прочесть в газете, а в минушую среду увидеть по телевизору («РЕН-ТВ») интервью с Юрием Чурбановым.

Интересный оказался человек. Не обремененный. Не сломленный. Сумевший переоценить прожитое и оценить пережитое Готовый, кажется, все начать с нуля. И, хочется верить, обретший понятие о человеческом достоинстве и об офицерской, кстати, чести.

Офицерская честь — то, что было всегда и всего дороже в русской армии. Офицерская честь — то, что неведомо полководцу всей Руси Ружцкому, а также тем царям всея Украины, которые в угоду безумной своей самостийности попытались позором покрыть российский Черноморский флот, за все годы своего существования не знавший таких черных дней. Можно ли было себе представить офицера, способного прихватить сразу двум государством и двум государям! Это равносильно измене Родине. Это — наивысшее оскорбление офицерской чести. Но ведь именно Это и происходит...

Об офицерской чести, равно как и о чести Родины, быть может, еще придется вспомнить нынешним летом в Берлине, в момент ухода советских, извините, войск и параллельных (!) проводов войск бывших наших союзников по антигитлеровской коалиции.

Взгляните на хронику Парада Победы и сопоставьте ее с

возможной хроникой предстоящих событий — интересная получится картина...

Возвращаясь же, в частности, к Чурбанову, сопоставьте кадры новой телепередачи с теми, например, кадрами, где запечатлена процедура награждения дряхлеющим Леонидом Ильичом своих соратников по партии, где его подают влюбленными глазами первые нынешние демократы планеты — Горбачев, Шеварднадзе и др. Вспомните, с каким стадным восторгом расплывались потом с тенью отца «застоя» дети «перестройки». Одно дитя, Михаил Сергеевич, оказалось, рассматривало на Политбюро в 1988 году вопрос о зяте Брежнева И ревел восторженно народ (признаюсь: был охвачен восторгом и я). И улюлюкали, брызгали слюной Холмс и Watson «узбекского дела» — Гдлян и Иванов... И стращали всех зарытым куда-то в землю компроматом Как стращал потом всех одиннадцатую чехоманчиками праведник Ружцкой. Как стращали всех наш коллективный «томиссар Катанья» Макаров и К...

Сотни компроматоров и тысячи курьеров — все и поньше висит в гжелем, срадном воздухе наших дней; дней, не знающих ни совести, ни чести, ничего вообще.

Этим воздухом очень трудно дышать.

И еще не раз придется нам, грешным, пометь голову над тем, кто же все-таки истинные дети своего времени, а кто — сукины его дети: прохвосты, ловчицы, карьеристы, шарлатаны и подлецы!..

Виктор ГУЛЬЧЕНКО.